

РУССКАЯ МЕЧТА

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ Григорий Александров выпустил, пожалуй, самый примечательный свой фильм — “Светлый путь”. Большевикскому комедиографу наконец-то удалось преодолеть интернационально-голливудскую манеру, свойственную его ранним картинам, и создать подлинно русское, глубинное полотно. Суть картины — путь света и преобразование через труд на примере отдельно взятой замарашки Тани Морозовой. Происходит воистину сказочное обновление, и на месте грязнова-

УСТРЕМЛЁННЫЕ В ВЕЧНОСТЬ

Советский ритм вселенских энергий

той девчонки появляется богиня красоты, совершенная беспрестанный подвиг. “Нам нет преград — ни в море, ни на суше”, — как-то спокойно констатирует героиня Любови Орловой. Умиротворяющий пафос бытия: “Труд наш — есть дело чести”. Дело верное. Дело Божие. Через год извечный соперник “американца” Александрова — “крестьянин” Иван Пырьев явил популярную, роскошную пастораль “Свинарка и пастух”. Обогнать Александрова не вышло — Пырьев был менее убедителен, хотя и очень старался (соотношение “Светлого пути” и “Свинарки...” — это примерно как величавое барокко versus чарующее-суетливое рококо). Но у этих сюжетов есть общая точка сборки — ВСХВ, как райский сад. Итог созидания. Если ты упорно трудишься — тебя пускают в Парадиз.

В производственную мелодраму с элементами комедии была включена фантастическая деталь, а именно — полёт в автомобиле над Москвой и Всесоюзной Выставкой, а следом лирический финал: обаяние глав-героев у памятника Рабочему и Колхоз-

нице. Мухинский монумент — это не просто символ трудовой державы, созданный для парижской экспозиции Arts et Techniques dans la Vie moderne 1937 года. Он, по мнению Александра Проханова, “...символизирует триумф труда, коим создаётся империя, а также достигается Царствие Небесное. Рабочий и колхозница — это Адам и Ева, которые в сверкании света возвращаются в рай”. Ибо сказано: “В поте лица твоего будешь есть хлеб”. Наказание обращается по сути благом, а якобы атеистический советский мир по-своему трактует библейские ценности. Выходит, что оставленные “добывать хлеб” в боре-нии, мужчина и женщина своим созидательным дерзанием искупают вину. И — строя царство Божие. На земле. Мухинский дуэт демонстрирует Небу орудия труда — серп и молот.

СССР никогда не был грубо атеистичен — человек так устроен, что отказываться от одной доктрины, он тут же возводит на её месте другую. Хомо сапиенс не умеет существовать вне божественного присутствия и потому, отринув догматы Православия, красный пролетарий сконструировал квазирелигиозную концепцию: научный коммунизм, в коем от сугубого материализма было столь мало, что все-рьёз рассуждать об отрицании Бога не приходилось. Даже Николай Бердяев — этот злой противник советской власти, объявлял: “В русском большевизме есть запердельность и потусторонность”. В Светлое Будущее полагалось верить, как в Царствие Божие, и приближать его мыслями, поступками, борьбой с “еретиками”, то есть — разного рода уклонистами и антисоветчиками. Но основное дело — это работа. В Советском Союзе культивировался сам процесс труда. Результат — важен и нужен, однако, достижение оного — многократно интереснее. Любовь к трудностям связывалась с понятием “романтика”. Классический романтик — сибирит и разочарованный странник-одиночка; романтик по-советски — метростроевец, геолог, архитектор и беспременный коллективист.

Неоэллинистические барельефы с токарями и слесарями, “барочные” виноградники и яблоневые сады, “ампирные” трактора, домны, гадридри, ЛЭПы — художник славил пахоту и стройку. Незыблемо царил христианский принцип, сформулированный апостолом Павлом во Втором Послании к Фессалоникийцам: “Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (3:10). На заводских плакатах алели буквы: “Кто не работает — тот не ест!” и “Владыка мира будет труд!” В культовом романе Олега Куваева “Территория”, написанном уже в начале 1970-х, прослеживалась великая идея: “Работа заменила собой веру или, вернее, сама стала верой”. В Христианстве труд — обязанность, а в ряде учений протестантского толка — единственный путь к Абсолюту, тогда как нищество — прямое получение благ вне деятельности, сурово осуждалось (в лютеранской общине трудовая этика входит в систему религиозных ценностей, а не лишь корпоративных). Православие и католичество гораздо более терпимы к попорашайничеству, созная некую особость “чад Божих”, промышляющих подаянием, тем не менее, и здесь каждодневное служение, возвышение себя через как большие, так и скромные дела — основополагающая цель для потомков Адама и Евы.

Препарирующие окружающую действительность — есть благородное и благолепное следование Божьему приказу. Неслучайно в русском языке термин “промысел” означает дело, занятие, но тут же — “Промысел Божий”: забота нашего Творца обо всём, что Он создал. Работая, мы как бы становимся подобны Ему, и микрокосм человека встраивается в ритм вселенских энергий. Владимир Маяковский писал: “Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики”. На высших, сакральных уровнях — то же самое: повседневное дерзание людей укрепляет силу Абсолюта. В “Светлом пути” нам транслируют: хрупкая Таня Морозова одиночно управляется с громадным цехом, заставляя тачки машины служить ей. И Тому, чей промысел.

Человек предвоенного десятилетия, в отличие от рационально-физиологичного скептика 1920-х, воспринимал себя в качестве наследника предыдущих эпох. Он — закономерный венец столетий, а его жизнь — это не биологически-поступательное движение от рождения к смерти, а растворение в Вечности, поэтому все произведения искусства создавались в расчёте на какующуюся бесконечность бытия. Навеки. В советской культуре 1930-1950-х нет ничего временного, сиюминутного, глупенького. “Будущее, превратившееся в вечность, настолько однородно и неизменно, что там уже ничего, в сущности, нельзя увидеть, туда бессмысленно и смотреть — взгляд культуры постепенно оборачивается назад, как бы развернувшись на 180°”, — теоретизирует фило-соф от искусства Владимир Паперный в своём программном труде “Культура-2”. Здесь и сейчас — не начальная точка истории, а скорее её финал: “Куль-туру начинает интересовать путь, которым она пришла к настоящему моменту, начинает интересоваться историей”. И даже — праистория. Корни. Сущность. В жизнеутверждающих, торжественных формах сталинского стиля оказалось зашифровано всё прошлое, настоящее и, как тогда казалось, будущее. Тут в дивной пропорции соединялись аполлонические и дионисийские начала — строгость и монументальность со стихийным культом плодородия и аграрной витальностью. Это — квинтэссенция, высшая точка эстетических переживаний, а герои Веры Мухиной твёрдо, неуклонно и неумолимо шествуют в направлении Вечности.

...Мухина родилась в Риге — опрятной и сонной провинции, где хорошо быть крепкой домовладелицей, знающей толк в сервировке стола, городских сплетнях, питерских и варшавских модах. Но это скучно, да и неактуально — юные барышни рвутся на курсы, в школы ваяния и живописи, постигать столицы, отбывавшие права. Курсыстки, медички, поэтессы, художницы, в крайнем случае — телеграфистки или гимназические дамы, об-учающие французскому. “В Москву, в Москву!” Спос-обная Верочка не развлекается рисованием, как иные богачки, она учится у признанных мастеров: Ильи Машкова и Константина Юона. Эпоха распо-лагала — то и дело возмужали новаторские течения и безумные стили; художники полемизировали о душе, а иной раз, о том, что все гармонии “сыгра-ли в ящик” и их надо бы вышвырнуть с парохода современности. Прихотливые виньетки Модерна оплатили оконные рамы и книжные страницы. Мир замер в предвкушении бури.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ ВЕРА — с искоркой гениальности, но следует много работать и, потому впереди — Париж, обитель муз. По-стижение античности и Ренессанса — эти знания потом ей ещё пригодятся, когда она будет созда-вать символы имперской Вечности. Но пока — из-лёт “Belle époque”, война, Революция, счастлиное замужество и очередной виток жизни. В 1920-х она не только выдаёт проекты памятников (отнюдь не всегда реализуемых) и пишет маслом, но и рисует изящные образцы “пролетарского стиля” для со-ветских модниц. К середине 1930-х Мухина — за-служенный мастер, именитая гранд-дама Страны Советов. Будучи на самой вершине системы, она не позволяла себе ни минуты барственного упоко-ения, а поэтому нет никакой “лотерейной” слу-чайности в том, что статую, посвящённую Работе, ваяла убеждённая труженица.

“Когда хороший скульптор ваяет человеческий торс, то стремится воплотить не только мышцы, но и жизнь, то, что их оживляет больше, чем жизнь. Мощь, которая выплела их, наделила их изществом, или энергией, или притягивающим очарованием, или не-обузданным неистовством...”, — писал Огюст Роден в “Беседах об искусстве”, а если учесть, что Мухина училась у одного из адептов родеоновской школы — Эмилия Бурделя, то эти строки можно отнести и к её, Веры Мухиной, работам.

Следуя всеобщей любви к античности, она взяла за основу древний шедевр Крития и Несиота “Тира-ноубийцы”, добавила порыва, напора и — поставила на пьедестал. Но соль осталась: пролетарий и пей-занка — это всё те же тираноубийцы, уничтожители мирового капитала. “А паразиты — никогда!” — буд-то произносит Рабочий и Колхозница слова из “Ин-тернационала”. Важно и то, что по иронии судьбы павильон Бориса Иофана, увенчанный мухинскими “тираноубийцами”, был размещён против нацистско-го сооружения с прусским орлом на вершине. Да. Мо-мент истины — Парижская Выставка 1937 года. Это явилось мистическим предзнаменованием: динами-ческие, живые, обращённые к небу Рабочий и Колхоз-ница, и — мрачный, точно охраняющий склеп, знак старой Пруссии.

Мы начали побеждать уже тогда, на уровне образ-зов — солнечная устремлённость против тяжелове-сной, мёртвой статки. Мир труда противостоял миру захвата. Нацистская эстетика тоже базировалась на классике, но была загробной и гнетущей. Подавля-ющей — прежде всего самих немцев, как известно, принявших гитлеризм, будучи глубоко оскорблён-ными Версальским позором и нищетой “ревушки” 1920-х. Третий Рейх возник из тотальной депрессии; СССР же родился из огня и стали. “Нас водила мо-лодость в сабельный поход!” — воспециал Эдуард Багрицкий. Изумительно молодой, созидательный человек столкнулся в большой войне с жестоким, но безмерно уставшим, а потому — истерически-агрес-сивным врагом. Результаты сражения “предрекло” искусство — мухинские Адам и Ева.

В “Симфонии пятой империи” Александр Проха-нов — проповедник Русской Идеи, сказал, правда, по иному поводу: “Народу показывают ослепительный бриллиант общенациональной мечты, волшебный кристалл общенародного дела, обращаясь к самым сокровенным глубинам национального чувства и па-мяти. Этот бриллиант чудесными лучами проникает в подсознание, рождает великие воспоминания, вы-зывает самые светлые и творческие образы, выплё-скивая их наружу, где они не проливаются наземь, не пропадают втуне, а наполняют чашу “Общего дела”. Превращаются в работу, итоги которой становятся видны всему народу — вдохновляют, пробуждают тех, кто ещё спит или дремлет”. Кристалл общена-родного дела. Работа. Путь к Богу. Так было, есть и будет. Рабочий и Колхозница и теперь возвышаются над суетой и зовут в сверкающую Вечность, где на-стоящее, прошлое и будущее сливаются в бескрай-ной Русской Мечте.

Владимир МОЖЕГОВ

ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

В поисках Всечеловека

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Вхождение в новый технологический уклад в самом ближайшем будущем грозит радикально изменить жизнь человека. Современные технологии (солнечные батареи, вертикальные гидропонные фермы, новые средства связи и транспорта) уже сегодня позволяют небольшой семье или общине полностью обеспечить себя всем необходимым, существовать фактически независимо от государства и физически — хоть на краю земли, ощущая себя при этом в самом кипучем центре мира. С другой стороны, те же информационные технологии делают человека настолько прозрачным для всевидящего глаза государства, что грозят его полным, невиданным ранее подчинением. Таким образом, можно довольно уверенно прогнозировать, что в ближайшем будущем главным общественно-социальным вопросом станет не то, как накормить человека и обеспечить его работой, но — как дать человеку смысл существования и сохранить его свободу.

Человек ближайшего будущего может оказаться полностью детерминирован матрицей государства. В обмен на лояльность человек получит возможность удовлетво-рять почти любое своё желание. Платой за это, однако, станет его духовная свобода.

Идеи постчеловечества, портящегося в свободном удовлетворении своих самых утончённых желаний, но при этом лишённого главного — духовной свободы, мы должны противопоставить идею творческой свободы человека как существа не только земного, но и небесного, призванного к еди-нию с Абсолютом.

ИДЕАЛ И МОБИЛИЗАЦИЯ

Государство, которое захотело бы жить по идеальным христианским законам, не просуществовало бы и дня (см. Нагорную проповедь). Итак, всякое государство не-совершенно, всякое государство есть отча-сти уступка ветхозаветной морали: “Око за око”. Что, однако, не значит иной крайности: отбросить всякие идеалы и жить исклю-чительно практическими соображениями Realpolitik. Мудрость в том, чтобы, всегда имея в сердце и уме идеал, поступать трез-во и взвешенно, не ударяясь ни в безогляд-ный идеализм, до которого подавляющее большинство общества просто не доросло, ни в циничный “интерес” безудержного эгоизма. Для нормальной духовной эволюции планка всякий раз должна быть поднята чуть выше наличной реальности, полити-ка как искусства возможного. Это и есть Realpolitik идеализма.

Всякое настоящее дело требует мобилизации. И дело Русской мечты сегодня по необходимости мобилизационное дело. Мы не закрываем глаза на то, что живём в исключительно трагичное время “конца истории”, но христианство — учение свет-лое, ликующее, победное, и дух, который живёт в сердце Русской мечты, бодр, свет-ел, радостен. И реальность Русской мечты мы образно представляем не столько как башню, окружённую врагами, сколько как спасительный Ковчег в океане безнадёж-ного уныния, охватившего современное человечество, или как лестницу в небо, вы-строенную для тех, кто готов по ней взойти.

НАЙТИ РАВНОВЕСИЕ МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И ОБЩИМ

Либерализм как ведущая идеология Но-вого времени исповедует индивидуализм, то есть приоритет личного над общим. Со-циализм настаивает на приоритете общего над личным. Обе доктрины ущербны. Зада-ча же в том, чтобы между личным и общим установилось внутренне непротиворечивое равновесие. Такое равновесие возможно только на основе христианского понимания личности и общности.

Христианское учение универсально. И как всякое универсальное учение претен-дует на последнюю истину. В основе основ христианства лежит любовь и божествен-ная свобода духа. В центре христианской философии — личность, растущая к иде-алу. А поскольку христианская личность отрицает атомизацию (основа жизни — любовь, единение, а не распад), в нашем социальном идеале не возникает главного противоречия модернизских обществ и идеологий — противоречия между лич-ностью и общностью. В обществе Русской мечты личные и общественные начала находятся в синергичном и гармоничном единстве. Свобода личности обеспечена в той мере, в какой сама личность пользует-ся ею в направлении общественного идеа-ла. Духовная иерархия личности — осно-ва духовной иерархии общества. И там, и там царит одна и та же строгая иерархия духовного — душевного — материального. Здесь звучит тот же ясный камертон рус-ского культурного баланса, обеспечивающий живой творческий баланс между лично-стью и общностью, между свободой и за-

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Существует великое множество опре-делений понятия культура, среди которых мы выделим два изначальных. Культура (от лат. cultura — возделывание) есть резуль-тат творческого взаимодействия человека с природой. Такое определение культуры идёт от Марка Порция Катона Старшего, в трактате о земледелии которого (MDe Agri Cultura, ок. 160 г. до н.э.) мы впервые встречаем понятие культура. Для Катона Старшего главным в отношении человека к земле является симпатия. Любовь к зем-ле рождает хороший уход за ней. Культура, таким образом, предстаёт как доброе со-трудничество человека и природы, чело-века и божества (Римлянин относится к об-рабатываемому полю и созревающим на нём урожаю как к божественным феноменам). Итак, возделывание, воспитание, образова-ние, развитие, почитание — вот что такое для Римлянина cultura.

С этим определением тесно связано и другое, идущее от слова cult. Куль-туры древних цивилизаций были прямыми порождением культа. Николай Бердяев справедливо писал в “Мысле истории”: “Культура связана с культом, она из ре-лигиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, раз-ворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное по-знание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — всё заключено органически целостно в церковном культе, в форме ещё не развёрнутой и не диффе-

ренцированной. Древнейшая из культур — культура Египта началась в храме, и пер-выми её творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной симво-лики, в ней даны знаки и подобию иной, ду-ховной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) есть куль-тура духа, всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями”. В трёхсоставном строе человека (дух — душа — тело) культуре принадлежит сред-няя сфера души. Культура — это то мутное гадальное стекло, через которое душа видит Бога.

Бог, человек, природа и общество в со-знании средневекового человека предста-вали гармоничным единством. Культуру как отдельный феномен начинает выделять Новое время, понимая под ней, прежде всего, просвещение, и противопоставляя человека культурного (воспитанного, про-свещённого) человеку естественному. Для Нового времени понятие культуры, таким образом, становится синонимом понятия цивилизации. Для Данилевского и Шпен-гера цивилизация является продолжением, перерождением, концом культуры. В цивилизации, говорит Шпенглер, свободное духовное творчество человека сменяется мёртвыми, бесчеловечным технизмом. Справедливость последнего утверждения становится особенно очевидна в нашу эпо-ху, когда явления культуры обращаются в постмодернистские симулякры, а цивили-зация начинает яростно пожирать остатки культуры. Вера, философия, традиция, на-ция приносятся в жертву культу комфорта и потребления. Под эгидой толерантности растворяются все различия между людьми, а всё многообразие человеческих культур обращается в ничил.

Общество Русской мечты ставит куль-туру в центр своей жизни и преобразований, заставляет человека вспомнить, что куль-тура есть продолжение веры, что она есть возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание и прежде всего — бе-режное и творческое отношение к природе, синергия человека и Бога в общем деле со-творения, спасения мира.

Итак, в центре общества Русской мечты находится не экономика (как при марксиз-ме) и не оторванный от всех связей с ро-диной, историей, нацией индивид (как при либерализме), но — культура и человек, имеющий вертикальный духовный модус развития, то есть человек как существо прежде всего культурное, духовное. А в условиях тотального наступления нового варварства можно говорить, если угодно, и о диктатуре культуры (или даже: диктатуре совести, как Владимир Соловьёв называл власть Русской монархии и Православной церкви). Но — и об этом надо сказать сразу и определённо — новую элиту придётся вы-ращивать заново и с нуля.

РУССКИЙ АЛЬТЕР-ГЛОБАЛИЗМ

Россия сегодня — единственная евро-пейская христианская страна, способная противостоять тоталитарной бездуховно-сти современного мира и открыто провоз-глашающая своим духовным основанием консерватизм. Внутренние причины так же естественно следуют из самого духовного строя России. Именно на этот духовный строй указывал Достоевский, когда гово-рил о русском народе как Всечеловеке,

«Провинция» (1992). Художник Андрей РЕМНЕВ

способном сказать последнее слово при-мирения европейскому человечеству под знаком евангельского закона любви. Дей-ствительно, в имперской широте русских просторов и русской души, в самой русской природе более всего находит место идеи всеединства и всечеловечества. Отсюда же следует и русское понимание социа-лизма, столь отличное от левого интерна-ционализма Маркса. В то время как маркс-изм требует уничтожения всех различий рас и народов, всех традиционных культур и общественных отношений, русская все-человечность означает нечто совершенно иное: сохранение всех народов, их нацио-нальных культур и особенностей, и соеди-нение их в некоем интегральном единстве. Вообще, народность для русского означа-ет нечто большее, чем национальная при-надлежность. И когда Вл. Соловьёв гово-рит о национальной идее как мысли Бога о данном народе, он, в сущности, раскрыва-ет эту особенность русского самосознания, глубоко народного по своему существу, воспринимающего всякий народ как не-кое новое слово Бога. Из этого ощущения сакральности растёт убеждение русского в необходимости сохранения всех наций, народов и их культур; но также и в том, что всякая национальная узость должна быть преодолена. Русский убеждён, что всякая культура, растущая из национальных кор-ней, должна на своих гениальных верши-нах достигать универсальности и как бы разгадывать то “слово Бога”, которое её задаёт и определяет.

ПУШКИН И ФОРМУЛА РОССИИ

Если “Слово о Законе и Благодати” и “Слово о полку Игореве” дают нам пред-ставление об изначальном софийном со-знании Руси, а “Троица” Рублёва — о со-знании Руси средневековой, московской, то в Новое время таким идеальным вопло-щением русской всечеловечности стано-вится Пушкин.

Пушкин — это исцеление русского раз-рыва. Пушкин — мост, соединяющий Русь древнюю с новой петровской Россией. Поэт абсолютно эпитарный и в то же время до-ступный любому; всецело национальный и одновременно столь же универсальный, с лёгкостью проникающий в души всех на-родов, поэт с поистине космическим со-знанием, взору которого открыты все вещи мира — такой Пушкин, человек, в котором Русь обретает наконец дар слова, свой ло-гос, человек, в котором тысячелетняя куль-тура “великого молчания” воплощается в гениальной речи. И сам же Пушкин своим уникальным софийным даром мгновенного проникновения во все вещи мира, являет нам тайну личности. “Личность не часть

какого-либо целого, она заключает целое в себе. Согласно этому образу мыслей человек полнее, богаче, содержательнее английских духов. Поставленный на грани умоизрядительного и чувственного, он сочетает в себе эти два мира, будучи причастен всем сферам тварной вселенной. “В него, как в горнило, стекается всё созданное Богом, и в нём из разных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию” (Владимир Лосский, “Мистическое богословие Восточ-ной Церкви”).

Таков культурный код Руси-России, ко-торый в разное время являли автор “Слова о полку Игореве”, Андрей Рублев, Пушкин. В том, что индифференцированная боль-шевизмом Россия вышла в страшных испы-таниях XX века, также во многом заслуга Пушкина. Всенародным прославлением первого русского поэта в 1937 году Сталин увенчал строительство своей новой импе-рии. Едва ли общество, построенное толь-ко на идеях Маркса и Ленина, не имеюще-му никаких подлинных культурных основ, удалось бы продержаться более десятка-другого лет. Но возвращение традиционной культуры во главе с Пушкиным в роли куль-турного гегемона спасло новое общество от распада. Софийная мощь пушкинской поэзии возвращала сорванный с петель мир в парадигмы традиционной культуры, возвращала ему нормальную культурную иерархию. Даже несмотря на то, что образ поэта в Советском Союзе был сильно иска-жён (Пушкин представлял революционером, декабристом, врагом монархии и чуть ли не первой зарёй Октября), он делал своё дело, работая, по известной советской по-говорке, за всех и собирая сознание рас-павшегося мира в более-менее стройный культурный космос...

Итак, “история России требует иной мысли, нежели история Запада”. И если прав Гильке, что Россия — единственная из стран, которая “границит с Богом”, и если сам Пушкин есть некое идеальное вопло-щение души России (а душа поэта, как из-вестно, — зеркало мира), то не вправе ли мы отнестись к русской истории как некое-му идеальному зеркалу истории мировой? Не есть ли Россия сама — некий целостный образ мира во всех его проявлениях, в ко-тором сходятся все его противоположности и примеряются все противоречия? Не есть ли она тот самый вселенский образ Все-человека, в который, “как в горнило, стекает-ся всё созданное Богом”, и в котором “из раз-ных природ, как из разных звуков, слагается в единую гармонию” Всечеловека, “заклю-чающего целое в себе”... И если Россия действительно есть такое абсолютное “зер-кало мира”, в котором все вещи мира отра-жаются в их непосредственном отношении к Богу, то не справедливо ли в таком случае отнести к ней и известное замечание Гейне:

если мир расколется, трещина пройдёт по сердцу поэта? Не здесь ли главная загадка, главная тайна России?

"С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА"

Ещё 100 лет назад, заостряя проблему образования, Василий Розанов писал об отсутствии в России “мечты своей роди-ны” и “космополитической мечтательнос-ти”, выросшей в этой пустыне. Вспоминая историю своего учения, Василий Розанов писал: “Я учился в костромской гимназии, и в 1-м классе мы учили: “Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра”... Только доучившись до 6-го класса, я бы узнал, что “был Сусанин”... Потом Симбирская гимназия (2-й и 3-й классы) — и я не знал ничего о Симбирске, о Волге... Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимцами горожан — Сви-га... В основе просто: учась в Симбир-ске — ничего о Свиаге, о городе, о родных (тамоских) поэтах — Аксаковых, Карамзи-не, Языкове; о Волге — там уже прекра-сной и великой. Учился в Костроме, не знал, что это имя — ещё имя языческой богини: ничего — об Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Федоров-ской Божией Матери — ничего. Учился в Нижнем — ничего о “Новогороде низовые земли”, о “Макарии, откуда ярмарка”, об Унке (река) и её старовеках...”

Итак, вернуть мечту своей родины — такое важнейшее дело образования, вос-питания, культуры. Определяющим здесь должен стать принцип “от истоков”. Родина начинается с семьи, дома, солнечного све-та из окна, изгиба деревенской тропинки, улочки. Так и образование должно начи-наться с погружения в традицию и историю своей семьи, своей улицы, деревни, села; и так, постепенно, как ручейки впадают в реки, а реки в моря, дорастать до вселен-ского уровня: в единстве ума и сердца, род-ного и вселенского.

Таким образом, в центре школы Русской мечты будет единый курс человека, истории и культуры, в котором ручейки националь-ных культур, начинаясь в своих глубинах и повторяя исторические пути развития на-ций, народов, вливаются в реку общерос-сийской, общемировой культуры. Идеалом видится один, широкий, фундаментальный курс, проходящий через все годы школьного обучения. Совершенно особый, но живой, свободный, яркий, открытый, творческий курс, с которым в школу пришёл бы оци-щающий поток нашей истории и культуры. Курс, который бы мог исполнить главную задачу образования — родить интеграль-ную личность, объединить общество, вос-создать могучий народ.